

ПРЕДИСЛОВИЕ

Современный Новгород вырос из Новгорода древнего. Он органически соединяет в себе новое и старое, продолжает и углубляет все лучшее, что было в Новгороде Великом, — в архитектуре и искусстве его, ибо социалистическая культура включает в себя животворные традиции национальной культуры народа, поддерживает и развивает их. В. И. Ленин отмечал: «Без ясного понимания того, что только точным знанием культуры, созданной всем развитием человечества, только переработкой ее можно строить пролетарскую культуру — без такого понимания нам этой задачи не разрешить»¹. Подчеркивая ту же мысль, В. И. Ленин указывал на поучительный пример формирования марксизма, который «...отнюдь не отбросил ценнейших завоеваний буржуазной эпохи, а, напротив, усвоил и переработал все, что было ценного в более чем двухтысячелетнем развитии человеческой мысли и культуры»².

Современный Новгород — это не только крупный промышленный центр, не только красивейший город с новыми благоустроенными зданиями и удобной планировкой улиц, — город, в котором находится превосходный театр, свой телевизионный центр, один из лучших педагогических институтов нашей страны, многочисленные школы, — но это также город-музей, то есть город, в котором кипит оживленнейшая историческая, археологическая и искусствоведческая работа, где в течение последних лет ведутся самые крупные в Европе археологические раскопки, куда съезжаются для научной работы сотни историков, археологов, лингвистов и литературоведов, где художники и искусствоведы постигают произведения древнего мастерства.

Прославленную древнюю новгородскую живопись можно найти в музеях Москвы и Ленинграда, Парижа, Вашингтона, Нью-Йорка и Стокгольма. Но лучшие ее собрания находятся в самом Новгороде. И все эти сокровища не только бережно хранятся, но и глубоко изучаются.

Тысячи советских туристов приезжают в Новгород, и это понятно: зна-

¹ В. И. Ленин. Задачи союзов молодежи. Собр. соч., т. 31, стр. 262.

² В. И. Ленин. О пролетарской культуре. Собр. соч., т. 31, стр. 292.

ние прошлого своей Родины и гордость тем огромным вкладом, который был внесен русским народом в общечеловеческую культуру, является показателем высокого духовного уровня наших современников, их подлинного патриотизма. «Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушие», — писал Пушкин.

Прошлое Новгорода на протяжении целого столетия, начиная с конца XVIII века, было одним из самых притягательных центров русской революционной мысли. В новгородском прошлом русская мысль искала надежду на будущее, противопоставляя демократический Новгород самодержавию. А. Н. Радищев писал: «Новгород имел народное правление... Народ в собрании своем на вече был истинный государь... В Новгороде был колокол, по звону которого народ собирался на вече для рассуждения о делах общественных». С особенной любовью обращались к вечевому прошлому Новгорода декабристы. С увлечением изучал историю этого города П. И. Пестель. Вечевой строй Новгорода нашел отражение в конституционных проектах и политической терминологии декабристов.

О новгородской вечевой республике писали К. Рылеев, А. Бестужев, В. Раевский, М. Лукин, В. Кюхельбекер, А. Одоевский и др. Декабристы героизировали прошлое Новгорода.

«Бесспорно, что в своем восторженном отношении к Новгороду декабристы допускали идеализацию его общественного политического строя», — пишет В. Н. Бернадский.

М. Ю. Лермонтов разделял декабристские представления о новгородском вече; возвращаясь в 1832 г. через Новгород в Петербург, он посвятил этому замечательному городу следующие вдохновенные строки:

Приветствую тебя, воинственных славян
Святая колыбель! пришлец из чуждых стран,
С восторгом я взирал на сумрачные стены,
Через которые столетий перемены
Безвредно протекли; где вольности одной
Служил тот колокол на башне вечевой,
Который отзвонил ее уничтоженью
И столько гордых душ увлек в свое паденье!..
— Скажи мне, Новгород, ужель их больше нет?
Ужели Волхов твой не Волхов прежних лет?

В. Г. Белинский также, как и декабристы, видел в новгородском прошлом отражение черт национального характера русского человека: его любовь к свободе, самоотверженность, удаль. Но в отличие от декабристов Белинский обращается в поисках этих национальных черт прежде всего к новгородской народной поэзии. «Новгород можно смело назвать гнездом русской удалы и теперь составляющей отличительную черту характера русского народа. ...В грезах народной фантазии оказываются идеалы народа, которые могут служить мерою его духа и достоинства... И эта отвага, это удалство и молодечество, особенно в новгородских поэмах, являются в таких широких

размерах, в такой несокрушимой исполинской силе, что перед ними невольно преклоняешься»¹.

Когда в XIX в. началось научное изучение Новгорода и на смену поэтическому восприятию Новгородской старины пришли точные данные истории, значение Новгорода в общественной мысли поднялось и расширилось. Богатый материал, добытый исследователями новгородского зодчества, живописи, ремесла, письменности, в значительной мере перевернул представления об отсталости древнерусской культуры. Прошлое Новгорода сослужило патристическую службу, показав высоту культуры древней Руси, высоту ее искусства, особенно живописи, ремесел.

Эпоха предвозрождения, охватившая всю Европу от Кавказа до Пиренеев, оставила изумительные образцы высокого мастерства новгородских художников.

По прекрасному исполнению, по их обилию и сохранности новгородские фрески во второй половине XIV в. не имели себе равных в Европе. Живопись эпохи предвозрождения была представлена в Новгороде лучше и полнее, чем в самой Византии или Италии. Книжность Новгорода этой поры отражает общий интерес новгородцев к искусству — ту атмосферу искусства, которой жил Новгород. В годы воссоединения Новгорода с Москвой он передает свои культурные богатства Русскому государству.

Памятники новгородской архитектуры XI—XIII и позднейших веков составляли грандиозный комплекс огромного научного и историко-культурного значения. К сожалению, большое число этих памятников погибло или сильно пострадало в результате варварства немецко-фашистских оккупантов в 1941—1944 гг.

При восстановлении Новгорода после изгнания немецко-фашистских захватчиков наряду с застройкой города новыми зданиями ведется реставрация древних памятников. Генеральный план реконструкции предусматривает органическое включение этих памятников в городской ансамбль и исторически сложившейся планировки города и его исторических центров.

Первое впечатление от древнего Новгорода разочаровывает: остатки его в новом Новгороде кажутся слишком скромными, невидными, отчасти простоватыми и молчаливыми. Однако постепенно, по мере ознакомления с древним Новгородом, начинаешь понимать его величие, необычайную широту и размах его планировки. Новгородская архитектура проста, лаконична в своих формах, не пытается поразить зрителя пышностью и великолепием фасадов, но все в ней прочно, деловито, построено на тысячелетия, поставлено так, как нельзя иначе, тесно «вросло» в пейзаж, отличается почти геральдической выразительностью.

Именно этими же свойствами поражает и новгородская живопись. Она развивалась в общем русле развития европейской живописи, но при этом отличалась вполне русскими чертами: так же прочно, на века найденными формами, отсутствием украшенности, лишних деталей, грубоватой и вместе с тем

¹ В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. VI. М., 1954, стр. 414, 427.

утонченную свежестью красок, заботою о главном и презрением к мелочам, что кажется иногда неряшливостью, но на самом деле объясняется особой серьезностью и сосредоточенностью новгородцев. Новгородец как будто бы занят своими купеческими и деловыми интересами, не выходит за пределы практических, насущных задач, но на самом деле дальнорук и по-настоящему предан искусству.

Новгород раскинут на низких берегах полноводного Волхова, недалеко от озера Ильмень. Древний Новгород был городом-портом. Волхов, Ладога («озеро Нево») и Нева соединяли Новгород с бассейном Балтики. По Ловати, а затем волоком до Днепра и по Днепру вниз можно было доехать до Черного моря, а там — в Херсонес (Корсунь), Тмутаракань, Трапезунд, Болгарию, Константинополь. Мста и Тверца связывали Новгород с Волгой, а следовательно, и с Каспием и арабским Востоком; Шелонь — с Псковом; Свирь и водные пути Онежского озера — со всем северо-востоком. Морские суда Балтики причаливали непосредственно у новгородского Торга. Из Константинополя, с Крайнего Севера, с Волги приходили легкие однодеревки. Среди иноземных гостей-купцов в Новгороде можно было встретить варягов, греков, волжских болгар, англосаксов, арабов, датчан, жителей германских городов. Воздух всех морей овеивал стены Новгорода.

Широкая и полноводная река, на которой расположен Новгород, постоянно действует в новгородских былинах, сказаниях, легендах, летописях. То Волхов перегораживает в сказании враждующие стороны, то движет на себе против течения плот новгородского владыки, то выкатывает бочку с драгоценностями новгородскому святому, то несет на своих волнах идол Перуна, бросающего свою палицу на новгородский Великий мост, где от этой палицы разгораются затем вечевые драки, то Волхов и Ильмень вместе грозят затопить собою город и т. д. Большая судоходная река определила собою и архитектурное лицо города.

Волхов — основная природная ось архитектуры города. В отличие от других русских городов, расположенных только на одной стороне реки (Киев, первоначально Москва, Владимир, Ярославль и др.), Новгород раскинут на обоих берегах; он пропускает реку через себя и равномерно обстраивает ее ожерельем строений.

Распространенные представления о стихийном, бесплановом росте средневековых русских городов глубоко ошибочны. Из столетия в столетие Новгород рос по определенному, никогда не нарушавшемуся плану, хотя план этот не был запечатлен в чертежах, оставаясь в головах строителей, постоянно сообразовывавшихся с ним. Обычно в древней Руси, когда воздвигали строение, план его чертили прямо на земле и рядом практических приемов здесь же, на месте, «в натуре», находили нужное соотношение частей. Так же точно, когда строили город, князь, или епископ, или бояре выезжали выбирать место для города и непосредственно на месте определяли расположение строений, их тип, характер и величину. Вот отчего древнерусские города так тесно связаны с окружающей природой, так живописно венчают холмы и отражаются в глади рек и озер. Зодчие Новгорода строили его, сообразуясь с

низкой окружающей долиной, прорезанной широким Волховом. Основным архитектурным центром города явилось первое большое каменное строение Новгорода — храм Софии, воздвигнутый при сыне Ярослава Мудрого Владимире в 1045 г. Это свое значение центра города София не утратила и поныне: так прочно, надежно, на целые тысячелетия строили первые новгородские зодчие.

Вслед за Софией возводятся дополнительные архитектурные центры города. В 1113 г. на противоположном от Софии берегу Волхова, на Ярославовом Дворище, как бы для того, чтобы уравновесить величавые и тяжелые массы Софии, воздвигается Николо-Дворищенский собор. Он несколько меньше Софии, но имел когда-то те же пять глав, что и София. Еще через три года (в 1116 г.) строится собор Антониева монастыря на север от городского вала, вниз по течению Волхова; а еще через три года (в 1119 г.) воздвигается Георгиевский собор Юрьева монастыря — на юг от Новгорода, вверх по течению Волхова, ближе к Ильмену.

В возведении этих трех самых крупных в Новгороде храмов виден единый градостроительный замысел, сказывающийся в строгой последовательности их строительства и общности архитектурных форм. Вместе с Софией, сохранившей свое значение главного строения города, все три собора, по-видимому воздвигнутые одним архитектором — Петром, образуют вытянутый вдоль течения Волхова ромб. Короткой диагональю этого ромба служил перекинутый через Волхов от Софии к Николо-Дворищенскому собору Великий мост. Другой диагональю, соединявшей Антониевский и Георгиевский соборы, служил сам Волхов.

Георгиевский собор Юрьева монастыря был виден далеко с Ильменя. Его золотые купола до самого последнего времени служили ориентиром для судов, подплывавших к Новгороду с юга. Это был южный форпост Новгорода. На севере ту же роль выполнял Антониев монастырь. Собор Антониева монастыря был поставлен на изгибе Волхова и был издали виден судам, подплывавшим к Новгороду с севера. И Георгиевский собор и собор Антониева монастыря, несмотря на разделяющее их расстояние, архитектурно соотнесены друг с другом: оба они трехглавые, оба имеют сторожевые башни, оба выстроены в одинаковых архитектурных формах. Эта архитектурная соотнесенность строений, разделенных таким обширным пространством, доказывает широту видения русских средневековых зодчих, их планировочное, градостроительное искусство.

Построение в начале XII в. трех соборов — Николо-Дворищенского, Антониева и Георгиевского — было вторым этапом в строительстве Новгорода после возведения храма Софии. Этот второй этап дал городу его основные архитектурные ориентиры.

Третий этап начался в середине XII в. Он заключался в равномерном насыщении всего города зданиями. Вновь воздвигаемые здания тщательно соблюдали древнюю планировку города, уступая в размерах строениям XI и XII веков.

Поразительно, что вплоть до XVIII в. лишь один раз была сделана

попытка построить здание, равное по своим размерам тем четырем основным строениям Новгорода, о которых мы говорили выше. Эта попытка принадлежала богатому новгородскому купцу Сотку (Садку) Сытиничу и настолько поразила своею дерзостью новгородцев, что отразилась даже в былевом эпосе: в былине о Садке. Садко поставил в 1167 г. в Детинце, недалеко от Софии, церковь, посвященную русским святым Борису и Глебу, о грандиозности масштабов которой мы можем судить по раскопкам 1940—1941 гг. и изображениям XVII в. Ни одно из других строений, воздвигнутых в течение целого полутысячелетия, не переступало своими размерами порога, заданного строениями XI—XII вв. В этом ограничении размеров новгородских строений середины XII—XVI вв. сказались изумительная архитектурная дисциплинированность новгородских зодчих, стремление сберечь архитектурный замысел города, сохранить его план, постоянно дополнявшийся, но не изменявшийся на протяжении всей истории Новгорода. Стремление равномерно заполнить строениями пространство города, тонкое понимание архитектурных замыслов своих предшественников и умение ни на шаг не уклоняться от них — поистине изумительны. Полтысячелетия, вплоть до XVII века, Новгород строился, казалось бы, одним мастером, который, начав с важнейшего — с Софии, продолжив второстепенным — тремя соборами на берегах Волхова, закончил тем, что кропотливо из года в год, столетиями, заполнял превосходными, скромными строениями как бы им же самим созданную строительную площадку.

Но архитектурный замысел Новгорода состоял не только в этом. Острое чувство пространства, присущее новгородцам, позволило им выполнить еще один замысел. Новгородские зодчие сумели не только построить замечательный по архитектурной цельности город, но и архитектурно подчинить ему окружающую равнину: разбегающиеся из центра Новгорода улицы и дороги замыкались на горизонте строениями, чьи белые стены резко выделялись в пространстве.

С востока и юго-востока к Новгороду примыкают обширные заливные луга — Красное (то есть Красивое) поле. По краю этого Красного поля, приблизительно в равных расстояниях друг от друга, в разное время были поставлены церкви: Благовещения на Городище, Спаса Нередицы, Андрея на Ситке, Кирилловского монастыря, Спаса на Ковалева, Успения на Волотовом поле.

Ритмичный ряд этих церквей продолжался и на противоположном берегу Волхова, образуя вокруг Новгорода, на некотором расстоянии от него, редкий по красоте архитектурного ритма хоровод строений. Новгород как город как бы оказывался в центре еще более грандиозного архитектурного замысла.

Ритмичное шествие белых строений по горизонту создавало впечатление постепенного перехода от города к подчиненной этому городу стране и совпадало по идее с политическим устройством Новгородской области: каждый из пяти самоуправляющихся концов Новгорода имел в своем подчинении пятину, на которые делилась вся Великая новгородская земля. Эти пятинны, за

исключением одной, начинались тут же, у самого Новгорода, и, расширяясь клинообразно, охватывали огромные пространства. Новгород, следовательно, и в самом деле был связан с окружающей его землей, подчинял ее себе радиально. Эта земля была продолжением его концов.

Только разгадав эту архитектурную идею города-государства, города — господина области, начинаешь понимать величие Новгорода, подчинившего себе необозримые пространства — от Урала и Волги на востоке, до Чудского озера на западе, от Белого моря на севере до Старой Русы, Великих Лук и Торжка на юге.

София являлась центром не только Новгорода, но и всей Новгородской области. Три строения мастера Петра — Николо-Дворищенский собор, собор Антониева монастыря и Георгиевский собор — включали в себя обширные, наполненные кораблями водные пространства Волхова, его оживленные мировою торговлею берега. Кольцо же форпостов — монастырей на некотором расстоянии от Новгорода архитектурно организовывало, как сказано, окружающую Новгород страну, делало Новгород органической, но вместе с тем и господствующей частью Новгородской области.

Архитектурные формы новгородских строений как бы предназначены для того, чтобы выполнять эти широкие планы. Новгородские церкви очень просты по своим формам. Их эстетическая сила — в красивой глади белых стен, в исключительной выразительности силуэтов. Они рассчитаны на то, чтобы обозреваться издалека, быть своеобразными светлыми маяками среди темной северной зелени полей и болот, среди низких деревянных строений города.

Многие из русских городов XV—XVII вв. строились иначе: тесно и скученно, соединяли вместе разнохарактерные постройки, венчались в центре сгруппированных воедино зданий высокими столпами колоколен. В этом тоже был свой замысел и своя особая красота. Но Новгород строился не так: он свободно и равномерно распределял в пространстве свои постройки, концентрическими кругами и радиусами расходящиеся от центра — Софии, имя которой служило новгородцам и политическим лозунгом и боевым кличем.

Более чем тысячелетний период развития связывает Новгород с историей России, с историей всей русской культуры.

С Новгородом связано прошлое русской государственности. В первые века истории России Новгород — главная опора сильной княжеской власти на Руси, хотя уже с середины XI в. новгородцы и борются с князьями за свою самостоятельность. Из Новгорода повелся род князей Рюриковичей, вытеснивший со временем все остальные русские княжеские семьи в многочисленных княжествах Руси. Отсюда, из Новгорода, черпали киевские князья и материальные средства и военные силы для борьбы на юге.

Счастливое положение Новгорода на перекрестке великих водных путей, соединявших европейский Север с бассейнами Черного и Средиземного морей, Западную Европу и Восток, было причиной раннего культурного развития Новгорода. Мощный дух молодого русского народа творчески перера-

батывал культурные влияния, шедшие с различных сторон. В Новгороде, может быть, раньше, чем на юге, созрели многие самобытные проявления русской культуры: новгородское летописание, начавшееся еще в 1017 г., — старейшее на Руси; в Новгороде же издавна определились черты русского литературного языка вне его зависимости от церковнославянского; древнейший памятник русского юридического быта — «Русская Правда» — возник в Новгороде; здесь же еще очень рано обозначились самобытные черты русского искусства.

Развитие Новгорода опережало развитие многих городов Западной Европы. Раньше многих европейских городов-коммун Новгород добивается независимости и становится богатейшей боярской республикой, владевшей колоссальными земельными пространствами от Финского залива до Урала и Средней Волги. Развивается и внешнее благоустройство города. Раньше, чем в Западной Европе, здесь появляются и мостовые и канализация.

Исключительно значение Новгорода для всей русской земли в тяжкие годы «томления и муки» татаро-монгольского ига. Орды Батыя не дошли до Новгорода, счастливо избегнувшего общего для всех русских городов разгрома. Поэтому Новгород сохранил рукописные богатства Киевской Руси, сохранил книжную образованность и впоследствии в течение веков снабжал Москву древними рукописями, летописями и предметами искусства. В наиболее тяжелые для Руси годы татарского ига в Новгороде не прекращало развиваться каменное зодчество, хранились высокие строительные навыки домонгольской Руси. Здесь переписывались рукописи, работали замечательные новгородские иконники и мастера фресковой живописи.

В самое критическое для русского народа время новгородский князь Александр Ярославич Невский оборонял Русь от шведов и немецких рыцарей. Новгородцы настойчиво, упорно, мужественно вели непрестанные оборонительные войны на своих границах, твердо держа щит над всем северо-западом Руси. За время с 1142 по 1446 г. Новгород 26 раз воевал со Швецией, 11 раз — с Ливонским орденом, 14 раз — с Литвой и 5 раз — с Норвегией.

Эпоха предвозрождения, охватившая своими могучими токами всю Европу от Кавказа до Пиренеев, оставила изумительные образцы высокого мастерства новгородских художников. По мастерству исполнения, по изумительному обилию и сохранности образцов новгородские фрески второй половины XIV в. не имели себе равных в Европе. Живопись эпохи предвозрождения была представлена в Новгороде лучше и полнее, чем в самой Византии или в Италии. Книжность Новгорода этой поры отражает общий интерес новгородцев к искусству — ту атмосферу искусства, которой жил Новгород. Всемирную известность получили новгородские иконы второй половины XIV—XV вв.

В годы воссоединения Новгорода с Москвой Новгород передает свои культурные богатства Русскому государству. Новгородские книжники, живописцы, зодчие, ремесленники принимают участие в общем подъеме единой русской культуры.

Велика роль Новгорода и в борьбе с интервенцией начала XVII в.

Время долго щадило памятники новгородской старины. Промышленное и торговое развитие России в XVIII и XIX вв. мало затронуло Новгород, и это способствовало сохранению многих памятников новгородской древности. Позднейшие застройки не задавили в нем остатков старины и не исказили внешнего облика города. Каждая пядь новгородской земли вызывает воспоминания о прошлом России. В музеях Новгорода собраны произведения древнерусского искусства за целое тысячелетие. О Новгороде можно было бы сказать словами Чаадаева о Риме: «Это событие древности, длящееся до сих пор, событие другого времени, остановившееся среди веков». Превосходная сохранность новгородских древностей имела исключительное значение в изучении истории русской архитектуры, живописи, быта, книжности и т. д. Археологические исследования в Новгороде пролили свет на многие неясные стороны процесса развития русской культуры и воспитали немало видных русских археологов, историков и искусствоведов.

Но время щадило новгородскую старину только до 1941 г.

За два с половиной года хозяйничанья фашистов в Новгороде памятники новгородской древности пострадали гораздо больше, чем за все предшествующее тысячелетие его существования.

Всемирно известная своими изумительными фресками конца XII в. церковь Спаса Нередицы (1198 г.) после войны лежала в развалинах. Сохранилась лишь часть стен с остатками фресок. В Софийском соборе (1045 г.) был разбит центральный купол со знаменитой фреской Пантократора XII в.; был разбит купол и барабан северо-западной главы; во многих местах были пробиты стены и своды. Церковь Благовещения в Аркажах (1179 г.) фашистские захватчики превратили в дот. Ее фрески частью сбиты при устройстве амбразур и перекрытий, частью густо закопчены. Полностью разрушен собор Кирилловского монастыря (1196 г.). Лучшая из церквей XIV в. — Спас Преображения на Ильине (1374 г.), расписанная фресками Феофана Грека, дала широкие трещины и была пробита во многих местах. Ее западный свод был разрушен, а в барабане пробиты амбразуры наблюдательного поста. До основания разрушены знаменитая церковь Успения в Волотове (1352 г.) с ее исключительными по мастерству исполнения фресками, церковь в Ковалево (1345 г.) с ее фресками, Михайло-Сковородский монастырь (1355 г.), в котором в 1937 г. были раскрыты фрески второй половины XIV в.

Фашистскими варварами были уничтожены и разграблены научные и музейные ценности, вывезены многие древние иконы, паникадила и т. д.

Восстановление Новгорода — старейшего русского города-музея — началось. Сохранившиеся древние здания бережно реставрируются, музейные ценности восполняются, древняя историческая планировка города оставлена неизменной. В городе уже много лет ведутся крупнейшие в мире раскопки, открыт богатейший Историко-художественный музей. Древнейший очаг русской культуры вновь привлекает историков, археологов, искусствоведов, художников и всех, кому дорого великое прошлое русского народа.